

Жун Фэйянь оперся локтем о низкий столик, подпер щеку рукой и с интересом посмотрел на него:

— Но что?

Сюй Цзыин бросил на него косой взгляд, подавил поднявшиеся со дна души эмоции, только поджал губы, взял палочки и принялся за еду.

Он был голоден как волк, и то, что он вообще мог нормально говорить и двигаться, уже было чудом. А теперь, раздраженный исходившим от еды аппетитным ароматом, он с жадностью сглатывал слюну и, не церемонясь, свалил в котел сразу несколько тарелок свежей баранины.

Видя, как сильно тот проголодался, Жун Фэйянь тоже принялся помогать ему: закинул в медный котел и пекинскую капусту, и шпинат, и тофу, и всякое другое мясо, и даже корень лотоса, которого обычно не доставалось даже самому Жун Фэйяню.

Заметив, что Сюй Цзыин собирается высыпать в котел еще и тарелку перепелиных яиц, тот с улыбкой остановил его:

— Никто же с тобой не соревнуется, котел уже трещит по швам.

Сюй Цзыин тут же убрал руки и уселся прямо так, в ожидании, пока всё сварится. Хотя эти продукты и не шли ни в какое сравнение с современным изобилием, по здешним меркам они были просто великолепны.

С тех пор как Сюй Цзыин пересел к нему, Жун Фэйянь больше не отпускал шуточек, даже сам приготовил для него соус для макания и поставил перед ним.

Сюй Цзыин фыркнул носом, но отказываться не стал и бросил:

— Только не думай, будто я стану говорить тебе спасибо.

Жун Фэйянь кивнул, словно смирившись со своей участью, и, орудуя палочками в кипящем медном котле, заговорил:

— Я провел на Западной границе десять лет, но еще не встречал людей, которые разговаривали бы так, как ты.

Сюй Цзыин равнодушно отозвался:

— А что не так с тем, как я говорю?

Жун Фэйянь подумал немного:

— Да так... просто немного необычно.

Сюй Цзыин прикинул про себя, что, возможно, слишком часто использовал простые разговорные выражения, что неизбежно привлекало к нему внимание, но объясняться не стал, считая это излишним.

Пока они так беседовали, еда в медном котле сварилась. Жун Фэйянь ловко взмахнул палочками и заботливо положил первый кусочек баранины в пиалу Сюй Цзыина.

Сюй Цзыин посмотрел на аппетитный кусок мяса, сдержался и не притронулся к нему. Он несколько раз порывался поднять палочки, но снова опускал их, а потом молча уставился на Жун Фэйяня.

Видя, что тот готов проглотить мясо глазами, но палочками так и не шевелит, Жун Фэйянь догадался в чем дело, с досадой покачал головой, сам взял кусок мяса и решительно отправил его в рот.

Мясо было еще горячим, Жун Фэйянь пару раз выдохнул воздух ртом, проглотил и только после этого произнес:

— Ну как? Я вроде не подсыпал яду?

У Сюй Цзыина не было времени с ним возиться: он схватил палочки и принялся нарасхват закидывать в пиалу и на тарелку мясо, выбирая преимущественно баранину.

Глядя на его волчий аппетит и то, с каким жадным видом он уплетает еду, Жун Фэйянь даже приподнял брови. Все его предупреждения быть осторожнее и не обжечься не возымели никакого действия.

— Ай-яй-яй, малыш бедняжка, никто же у тебя не отнимает, — с этими словами Жун Фэйянь налил ему чашку чаю и велел принести снаружи еще несколько тарелок баранины.

Вошедший с подносом солдат тоже изумился: не зря этот мужчина приглянулся генералу — хоть лицом он и прекрасен как цветок, но ест с такой молодецкой удалью, что ничуть не уступает закаленным в боях армейским братьям.

Солдат засмотрелся на него еще на секунду, но тут же был буквально заколот холодным взглядом Жун Фэйяня и поспешно ретировался. Возвратившись к своим обязанностям, он продолжал исподтишка улыбаться Сюй Цзыину и подкладывать мясо ему в пиалу.

Сюй Цзыин поперхнулся от столь странного прозвища. Его желудок и так был набит бараниной под завязку, отчего еда казалась чересчур жирной и отдавала специфическим запахом, так что его чуть не вытошнило. Запив всё глотком чая, он выдавил:

— На меня-то чего пялишься? Ешь давай.

Жун Фэйянь сохранял невозмутимость, с безмятежным видом подперев подбородок рукой, и смотрел на него с двусмысленной улыбкой:

— Раз уж меня сопровождает такая красавица, мне вполне достаточно просто смотреть, как ты ешь.

Черты лица Сюй Цзыина перекосило. Он терпел, как мог, а услышав от Жун Фэйяня, что корень лотоса — самое дорогое блюдо, из последних сил, преодолевая отвращение, запихнул в рот несколько кругляшей и больше ничего не сказал.

До чего же мерзкий тип! Как вообще на свете мог появиться столь невыносимый человек, к тому же решивший поизмываться именно над ним?

По правде говоря, он совершенно не понимал, что красивого в мужчине, который сидит, поджав ноги, засучив рукава и задравши полы одежды, да еще и уплетает еду с таким неотесанным видом.

Наевшись примерно на шесть десятых, Сюй Цзыин наконец перестал заглатывать пищу с бешеной скоростью, но продолжал есть медленно и не собирался останавливаться.

Заметив это, Жун Фэйянь поднялся из-за низкого столика. Сюй Цзыин украдкой заметил, как тот достал что-то из потайного ящичка в изголовье кровати, и отвел взгляд лишь тогда, когда Жун Фэйянь направился обратно.

Неизвестно, заметил ли Жун Фэйянь его подглядывание, но тот даже не думал скрываться: усевшись на прежнее место, он с самым невозмутимым видом продемонстрировал зажатые в руке листы бумаги прямо перед лицом Сюй Цзыина.

Сюй Цзыин, всё еще державший в руках пиалу и тарелку, уставился на бумаги, густо исписанные черными и белыми иероглифами и усеянные неряшливыми отпечатками, чувствуя себя слегка ошарашенным.

Жун Фэйянь склонил голову набок и легонько постучал Сюй Цзыина по лбу:

— Это твоя долговая расписка.

Сюй Цзыин не мог разобрать эту мазню, а подобное панибратское движение лишь вызвало у него раздражение, и, бросив на того свирепый взгляд, он процедил:

— Раньше сказать не мог?

С этими словами он попытался выхватить бумагу.

Жун Фэйянь, разумеется, не собирался ему ее отдавать: взмахнув рукой, он спрятал расписку, из-за чего Сюй Цзыин едва не рухнул прямо ему на грудь.

Раздался веселый голос Жун Фэйяня:

— Так не терпится броситься мне на шею?

Сюй Цзыин со злости оттолкнул его изо всех сил. Толчок вышел слабым, но Жун Фэйянь послушно отклонился назад и громко рассмеялся, отчего его красивое лицо озарилось еще более широкой улыбкой.

— Ты больной на голову?!

Никто и никогда не вел себя с Сюй Цзыином столь бесцеремонно — ни мужчины, ни женщины. Сейчас он чувствовал себя слабым, сил дать отпор не было, а над ним продолжали издеваться, так что оставалось лишь отыгрываться на словах.

Жун Фэйянь широко раскинул руки и с улыбкой произнес:

— Ну хорошо, этот маркиз и впрямь болен. Не хочешь ли вылечить господина?

Сюй Цзыин глубоко вздохнул и принялся с удвоенным усердием запихивать в рот еду, пережевывая ее с такой силой, будто перед ним была вовсе не пища, а сам Жун Фэйянь.

Вскоре Жун Фэйянь снова постучал пальцами по низкому столику, привлекая к себе внимание.

Сюй Цзыин игнорировал его, а тот продолжал стучать. Наконец Сюй Цзыин, с набитым ртом, грохнул палочками о стол и выпалил:

— Тебе чего надо?!

Жун Фэйянь ни капельки не сердился — он даже помог ему подобрать упавшие палочки и, поднимая их, заговорил:

— Та долговая расписка... ты ведь лично поставил на ней отпечаток пальца.

Он протянул палочки обратно в руки Сюй Цзыину, но тот не шелохнулся, потому что Жун Фэйянь добавил:

— Ты же сам вчера приложил к ней палец, как же ты умудрился забыть об этом в один миг?

Сюй Цзыин замер и молчал. Жун Фэйянь заглянул ему в глаза и продолжил с загадочной интонацией:

— Не умеешь читать? Но даже если так, каждая расписка уникальна, ты разглядывал ее далеко не секунду, как же ты ее не узнал?

Взгляд Жун Фэйяня казался бездонным, заставляя Сюй Цзыина невольно насторожиться. Эта безупречная улыбка, каждая нотка в его голосе...

Всё это казалось ему фальшивым.

— Кстати, я ведь так и не спросил тебя: когда я встретил тебя в оазисе, как тебя угораздило так измазаться?

Сюй Цзыин выдал полуправду-полуложь:

— Попал в военную заварушку, случайно оказался засыпан горой трупов.

Жун Фэйянь понимающе протянул «а-а-а», слегка приподняв брови, — судя по всему, он поверил.

И тут же задал следующий вопрос:

— Ты случаем не отлежался до полусмерти в той груде трупов, да так, что память отшибло?

Вопрос прозвучал шутливо, но заставил Сюй Цзыина всерьез задуматься над ответом.

Действительно ли он потерял память?

Он не стал отвечать сию же секунду, а продолжил медленно жевать еду, лихорадочно соображая, и тут же отбросил эту мысль.

Он и так с трудом справлялся с этим психопатом, а если бы он еще и заявил о потере памяти,

то наверняка окончательно оказался бы у Жун Фэйяня на крючке.

Почти два десятка лет жизни в жестких условиях современного общества закалили характер Сюй Цзыина, сделав его невероятно стрессоустойчивым: буря бушевала у него внутри, но внешне он не выдавал ни единого движения мускула.

Жун Фэйянь терпеливо наблюдал за тем, как он ест, с безмятежной улыбкой на лице. Дождавшись, пока Сюй Цзыин закончит трапезу и до капли осушит чашку с чаем, он наконец произнес:

— Ничего подобного, — ответил тот. — С чего бы мне терять память? Просто глаза на мгновение устали, вот и не разглядел как следует.

Лицо Сюй Цзыина оставалось спокойным, однако на ладонях отчего-то выступил холодный пот. Интуиция подсказывала, что этот мужчина смертельно опасен, хотя по нему и не скажешь, будто он замышляет причинить ему вред.

Взгляд Жун Фэйяня, острый как клинок, неотрывно следил за ним, отчего у того на мгновение перехватило дыхание.

Казалось, он пытается заглянуть в самую суть сквозь эту прекрасную оболочку, но в конце концов лишь тронул уголки губ улыбкой и, подавшись ближе, проговорил:

— О чем задумался? У тебя ладони вспотели.

Словно очнувшись ото сна, Сюй Цзыин с удивлением обнаружил, что Жун Фэйянь неизвестно когда успел взять его за руку. Сюй Цзыин тут же выдернул ладонь и с напускной невозмутимостью бросил:

— Жарко... наелся просто.

Ладонь опустела, но Жун Фэйянь, словно смакуя недавнее прикосновение, потер большой палец о подушечки остальных. Улыбка не сходила с его лица, а на душе у Сюй Цзыина скребли кошки, поэтому он предпочел просто не смотреть на него.

Жун Фэйянь рассмеялся:

— Чего ты боишься? Я же тебя не съем.

— Да кто тебя, черт побери, боится!

Жун Фэйянь, в адрес которого в очередной раз полетели ругательства, не стал навязываться, а вместо этого достал тушь с кистью и раздобыл лист желтоватой бумаги:

— Ладно, я просто спросил. Мы знакомы еще и суток не прошло, так что времени у нас предостаточно...

Низкий, приятный голос, казалось, скользнул прямо по самому уху Сюй Цзыина:

— Никуда не спешим...

Заметив, что Жун Фэйянь больше не допытывается, Сюй Цзыин мысленно облегченно выдохнул. Увидев у него в руках тонкую кисточку, он не удержался от вопроса:

— Это еще зачем?

Жун Фэйянь ответил:

— Разумеется, чтобы задать тебе пара вопросов. Я ведь абсолютно ничего о тебе не знаю, с чего бы мне со спокойной совестью позволять тебе прислуживать мне?

Сюй Цзыин мысленно ухмыльнулся: надо же, сам изволит расспрашивать, а ведь говорил, что не любит хлопот.

Жун Фэйянь предложил ему написать всё самостоятельно, но Сюй Цзыин прямо заявил, что неграмотен и писать не умеет, так что Жун Фэйянь с готовностью вызвался стать его писцом.

— Сам господин маркиз возьмется за кисть, польщен? — Жун Фэйянь разгладил лист бумаги на столе, принимаясь за дело.

Сюй Цзыин остался недоволен:

— А если я ничего тебе не расскажу?

Жун Фэйянь даже не поднял головы:

— Тогда возвращай серебро прямо сейчас, до последней монеты.

Сюй Цзыин поперхнулся воздухом, вмиг ощутив себя полностью поверженным.

Жун Фэйянь молча наблюдал за его реакцией, чуть приподняв брови.

<http://bllate.org/book/18792/1825606>